

Istoriya razvitiya voennoy veterinarii v Rossii 1707–2002 (2002) [History of Development of Military Veterinary Science in Russia 1707–2002]. Metodicheskoe posobie / I. S. Kolesnichenko, T. I. Mineeva. M. 2002. 41 s. (in Russian).

Kraft Georg-Volfgang [Kraft Georg-Volfgang] // Entsiklopedicheskiy slovar F. A. Brokgauza i I. A. Yefrona [F. A. Brockhaus and I. A. Efron' Encyclopedic dictionary]. SPb. 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/133136/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%84%D1%82 (date accessed 09.08.2016) (in Russian).

Lazebnik L. B., Belyaeva V. S. (2010) Nikolay Lambertovich Bidloo (1670–1735 gg.), Pavel Zakharovich Kondoidi (1710–1760 gg.) (k 340- i 300-letiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolay Lambertovich Bidloo (1670–1735 years), Pavel Zakharovich Kondoidi (1710–1760 years) (to the 340- and 300 anniversary since birth)] // *Ekspperimental'naya i klinicheskaya gastroenterologiya* [Experimental and clinical gastroenterology]. № 5. S. 99–103 (in Russian).

Levshin V. L., Trukhin V. I. (2005) Ocherki razvitiya fiziki v Moskovskom universitete (chast 1) [Sketches of Development of Physics at the Moscow University (part 1)] // *Vestnik OGU* [Bulletin of the Omsk State University]. T. 2. № 10. C. 24–34 (in Russian).

Mirskiy M. B. (1996) Istoria meditsiny i khirurgii: uchebnoe posobie dlya studentov uchrezhdeniy vyssh. prof. obraz. [History of Medicine and Surgery: The Education guidance for students of institutions of higher professional education]. M., 1996. 528 s. (in Russian).

Moiseeva T. M. (2003) Fizicheskiy kabinet Kunstkamery [Physical Cabinet Kunstammer] // *Priroda* [Nature] № 9. S. 94–96 (in Russian).

Trifonov D. N. (2002) Istoriya khimii v Rossii. Kratkie ocherki: Uchebnoe posobie [Chemistry History in Russia. Short Sketches] / RChTU im. D. I. Mendeleeva. M., 2002. 96 s. (in Russian).

Utenkova N. F. (1971) Yestestvennonauchnyy materializm v Rossii XVIII veka [Natural-science materialism in Russia the XVIIIth century]. M., 1971. 200 s. (in Russian).

Shober, Gotlib). [Shober, Gottlieb] // Vikipediya URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date accessed 09.09.2016) (in Russian).

Vicinich A. (1963) Science in Russian Culture to 1860. A History to 1860. Stanford, 486 p.

Volkov V. A., Kulikova M. V. (2003) Rossiyskaya professura. XVIII — nachalo XX vv. Biologicheskie i medico-biologicheskie nauki. Biograficheskiy slovar [Russian professorate. XVIII — beginning of the XXth centuries. Biological and Medicobiological sciences. A Biographic dictionary]. SPb., 2003. 548 s. (in Russian).

Volkov V. A., Kulikova M. V. (2004) Rossiyskaya professura. XVIII — nachalo XX vv. Khimicheskie nauki. Biograficheskiy slovar [Russian professorate. XVIII — beginning of the XXth centuries. Chemical sciences. A Biographic dictionary]. SPb., 2004. 275 s. (in Russian).

Volkov V. A., Kulikova M. V. (2008) Rossiyskaya professura. XVIII — nachalo XX vv. Fiziko-matematicheskie nauki. Biograficheskiy slovar [Russian professorate. XVIII — beginning of the XXth centuries. Physical and Mathematical sciences. A Biographic dictionary]. SPb., 2008. 360 s. (in Russian).

Zablotskiy Ye. M. (2014) Gornoe vedomstvo dorevolyutsionnoy Rossii. Ocherk istorii. Biograficheskiy slovar [Mountain Department of Pre-revolutionary Russia. History Sketch. Biographic dictionary] M., 2014. 280 s. (in Russian).

Zaizeva E. A. (2016) Khimiya v Moskovskom universitete na osnovnoy kafedre khimii i khimicheskoy otdelenii [Chemistry at the Moscow University at the Main Department of Chemistry and Chemical Office]. URL: <http://www.chem.msu.ru/rus/history/chemdept-history-1.html> (date accessed 09.08.2016) (in Russian).

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КОННОВ

кандидат социологических наук,
доцент МГИМО МИД,
Москва, Россия;
e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

УДК 001.89.159.9.019

Формирование теоретико-методологической базы психологических исследований на этапе становления Института психологии АН СССР¹

Проводится исследование серии статей директора Института психологии АН СССР Б. Ф. Ломова, выходящих в научных и политических журналах после учреждения института. Учитывая, что Ломов выступал одновременно и представителем сообщества психологов, и руководителем института, и главой научной школы, автор исходит из гипотезы, что в содержании статей должны были отразиться интересы, связанные с каждой из этих ролей. С целью определить, какие это могли быть интересы, дается характеристика положения социогуманитарных дисциплин в Советском Союзе 1960–1970-х гг. Существующее положение дел предопределяло острую заинтересованность дисциплин данного круга в том, чтобы утвердить свой научный статус и добиться признания достоверности получаемых ими данных. Психологию отличал относительно высокий уровень признания как внутри научного сообщества, так и со стороны государственной бюрократии.

Применяется дискурс-анализ и риторический анализ, которые позволяют продемонстрировать, что главными целями, преследуемыми в теоретическом дискурсе, были: продвижение концептуальной схемы, позволявшей оформить единство психологии при сохранении специфики ее отдельных направлений; утверждение научного статуса психологии с опорой на теорию систем; демонстрация практического значения психологических исследований. Главная задача заключалась в утверждении рамочной теории, что позволило бы Институту психологии осуществлять предписанную ему учредительными документами координацию психологических исследований, ведущихся в других научных организациях. В качестве такой рамки предлагалась системная психология, препятствием продвижению которой выступала теория деятельности, также выдвигаемая на роль рамочной теории. Развитие теоретического дискурса в статьях Б. Ф. Ломова показывает, что заочная дискуссия между двумя подходами развивалась в направлении компромисса, при котором ведущую роль в «общей психологии» продолжала играть теория деятельности, а системная психология могла беспрепятственно утвердиться как направление, нацеленное на объединение знаний, получаемых в различных отраслях психологии, и их сочетание с данными других наук.

Ключевые слова: история советской психологии, системная психология, история социогуманитарных наук, Институт психологии РАН, социология психологии.

16 декабря 1971 г. на предновогодней сессии Президиума АН СССР после недолгой, но напряженной дискуссии было принято решение о создании Института психологии. Последующая зима ушла у главного инициатора создания нового

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-06-00928.

института и его будущего директора Бориса Федоровича Ломова на то, чтобы получить помещение, подготовить штатное расписание, заказать исследовательское оборудование. Институт начал работать лишь весной 1972 г. А осенью в него в полном составе перешел сектор философских проблем психологии Института философии, которым руководила Е. В. Шорохова — ученица основателя сектора, известного философа и психолога С. Л. Рубинштейна. В результате в новом академическом учреждении сошлись представители двух существенно различающихся течений советской психологической науки — с одной стороны, инженерная психология, которую представляли сам Ломов и собранная им группа специалистов, с другой — пришедшая из Института философии группа, работавшая в рамках философско-психологического направления, которое ассоциировалось с именем Рубинштейна. Одна из немногих объединявших их черт заключалась в том, что и то, и другое течение, каждое по своим причинам, расходилось с главенствующей в советской психологии теорией деятельности, основателем которой был декан психологического факультета МГУ А. Н. Леонтьев.

На протяжении 1960-х гг. деятельностная психология Леонтьева пользовалась статусом идеологически верной, марксистской психологии. В ее основе лежала идея о происхождении интеллектуальных процессов в результате интернализации внешней деятельности и, соответственно, необходимости рассматривать первые по аналогии с последними — подход, который преобладал в психологической литературе этого периода. Сам Леонтьев обладал колоссальным авторитетом, зиждующимся как на исключительном положении внутри страны, которое обеспечивалось должностью декана МГУ и статусом лауреата Ленинской премии, так и на признании за рубежом — западные специалисты видели в нем главного продолжателя традиции культурно-исторической психологии, читали и переводили его работы, а в 1968 г. ему была присвоена почетная степень доктора Парижского университета. Этот авторитет подкреплялся активным использованием идеологических инструментов — по оценке историка советской науки Лорена Грэхэма: «Среди всех известных советских психологов послесталинского периода Леонтьев был одним из наиболее воинственно настроенных в плане идеологии» [Грэхем, 1991, с. 212]. И как отмечают И. Е. Сироткина и Р. Смит, «пользуясь своим положением в Московском университете и своими партийными связями, Леонтьев приобрел значительное влияние и даже власть над новым поколением российских студентов, которые начали занимать научные должности в расширяющемся поле. Он пытался укрепить теоретические связи психологии с должным образом понятым марксизмом, который бы признавал, как в свое время Выготский, необходимость интеграции культурно-исторического подхода с естественнонаучным изучением организма. По мнению Леонтьева, эту интегрирующую теоретическую функцию могла выполнить категория “деятельности”» [Sirotkina, Smith, 2012, p. 436].

Данный подход напрямую критиковался Рубинштейном. В своей книге 1959 г. «Принципы и пути развития психологии» он адресует Леонтьеву и его сотрудникам, в частности, такое высказывание: «...Не верно, подставляя на место теоретической или умственной, мыслительной деятельности психическую деятельность вообще, утверждать, что она впервые возникает в результате “интериоризации” этой последней. Всякая внешняя материальная деятельность человека уже содержит внутри себя психические компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется ее регуляция. Нельзя, сводя действие человека к одной лишь внешней

исполнительной его части, вовсе изъять из внешней практической деятельности человека ее психические компоненты и вынести “внутренние” психические процессы за пределы “внешней” человеческой деятельности — как это сознательно или бессознательно, эксплицитно или имплицитно делается, когда утверждают, что психическая деятельность возникает в результате интериоризации внешней деятельности» [Рубинштейн, 1959, с. 135]. Несогласие с теорией деятельности высказывали также и представители Ленинградской психологической школы, связанной с именем В. М. Бехтерева. Ее позиция была выражена В. Н. Мясищевым, который, имея в виду марксистскую психологию деятельности, писал: «Она страдает еще недоразвитием, и существенным пробелом ее является то, что психика рассматривается преимущественно как процессы, но носитель их — личность — изучается недостаточно. Деятельность исследуется в отрыве от деятеля. Объект — процессы психической деятельности — изучается без субъекта — личности» [Мясищев, 1960, с. 7]. Этот же пассаж цитируется в книге учителя Б. Ф. Ломова — Б. Г. Ананьева «Человек как предмет познания», впервые вышедшей в том же 1960 г. [Ананьев, 1980, с. 137].

Объединение в новом институте ученых, выступавших лидерами двух главных направлений советской психологии, которые критически относились к теории деятельности, заранее предопределяло то, что теоретическая работа будет играть в нем важную роль. К тому же учредительными документами за институтом закреплялась «функция головного учреждения по научной разработке общей, социальной, инженерной психологии, психофизиологии, психологии труда и специальных прикладных проблем, а также оказание теоретической и методологической помощи научным психологическим учреждениям страны» [Научный архив, 2016]. По сути, это означало, что от института ожидается опубликование основ психологической теории, которые станут фактически обязательными для всех остальных психологических учреждений страны.

Принять в качестве теоретических основ деятельностную психологию мешала не только история дискуссий, в которые были вовлечены объединенные в институте школы. Проблема заключалась также и в самом содержании леонтьевской теории деятельности. Настаивая на том, что все явления, изучаемые психологией, такие как потребности, мотивация, личностные черты и т. д., являются результатами интернализации деятельности, направленной на объекты внешнего мира, деятельностная психология затрудняла применение широкого спектра подходов, используемых в наиболее динамично развивавшихся отраслях мировой психологической науки — социальной психологии, дифференциальной психологии, психологии личности. Сама леонтьевская школа была сосредоточена на общей и когнитивной психологии, а также психологии развития, уделяя мало внимания направлениям, ассоциировавшимся с прикладной психологией. Но именно они должны были стать главными для Института психологии — при создании в его составе появились отделы теоретической и экспериментальной психологии, социальной психологии, инженерной психологии и психологии труда, нейрофизиологических основ психики и специальных прикладных проблем. При этом показательно отсутствие в этом перечне названий, упоминавших общую психологию, которая считалась основным направлением исследований в рамках психологии деятельности.

Если же говорить о советской гуманитарной науке в целом, то именно в этот период ее дискурс начинает смещаться от заверений в соответствии официальной идеологии и готовности распространять ее догматы на новые области знания

к демонстрации способности поставлять объективные данные об обществе и индивидах, которые могут быть востребованы как в различных отраслях экономики, так и в политическом управлении. Применение этой стратегии стало возможным главным образом благодаря стремительному развитию вычислительной техники, которая открывала широкие перспективы применения моделей, основанных на множестве параметров и статистических связях между ними. С использованием столь сложных построений ассоциировалась возможность точного, математического исследования ранее недоступных сложных процессов, в том числе психологических и социальных. Концептуальной же основой для моделирования процессов такого рода служили биологическая теория об единичных принципах организации всего живого и математическая теория управления — кибернетика.

Энтузиазм, связанный с этими новациями в научной методологии, породил технократическое движение, затронувшее в той или иной степени все индустриальные страны. Его главной целью была замена политического, по сути, компромиссного метода принятия решений — научным, основанным на, как казалось тогда, точных вычислениях. Идеологической опорой технократического движения служила теория систем, отталкивавшаяся от кибернетики и биологии и утверждавшая, что все управленческие процессы в природе подчиняются единым принципам. Этот тезис использовался для обоснования возможности перенести методы исследования, характерные для естественных наук, на социальное управление. В США технократическое движение вылилось в создание многомиллионной индустрии управленческого консультирования, флагманом которой выступала «RAND Corporation». В СССР же его развитие стало одним из важных факторов внутренней политической жизни [Коннов, 2010].

Ситуация с гуманитарными науками в СССР характеризовалась тем, что в соответствии с официальной марксистско-ленинской философией они признавались частью идеологии, а значит — не могли претендовать на объективность. Сама же философия рассматривалась как выразитель интересов наиболее многочисленного и прогрессивного рабочего класса, и на этом основании за ней закреплялось место главенствующей дисциплины, которая осуществляла идеологический контроль над другими науками. Теория же систем выдвигала претензию на уравнивание статуса естественных и гуманитарных наук путем подведения под последние математической базы, что становилось возможным благодаря вычислительной технике. Таким образом, она стала одним из инструментов, с помощью которых сложившаяся в годы хрущевской оттепели реформистская группа намеревалась потеснить консерваторов в гуманитарной науке, а также в советских СМИ и в аппарате идеологического контроля.

Благодаря поддержке этой группы была реабилитирована кибернетика, а также значительно укрепила свои позиции математическая экономика — в начале 1960-х гг. обе дисциплины уже имели профильные институты в составе Академии наук. Сложнее обстояло дело с социологией, которая в силу своего предмета представляла угрозу устоявшейся системе сбора и интерпретации политической информации. Институт конкретных социальных исследований появился лишь в 1969 г., но уже в 1972 г. в нем была проведена реорганизация, в ходе которой из него ушли главные сторонники либерального курса.

История советской психологии отличалась от истории упомянутых дисциплин. Она не подвергалась прямым запретам в сталинские годы, а работа психоло-

гов во время Великой Отечественной войны официально признавалась успешной. В 1950 г. в связи с проведением совместной сессии Академии наук и Академии медицинских наук, целью которой было утверждение теории И. П. Павлова в качестве общей основы наук о человеке, психология оказалась под угрозой поглощения со стороны физиологии, однако психологам удалось отстоять самостоятельность своей дисциплины. Хотя учение Павлова о рефлексах и было признано в качестве основы психологической науки, она не была сведена к психофизиологии и в ней продолжал развиваться ряд других направлений. Эта ситуация была зафиксирована на Всесоюзном совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии 1962 г., в документах которого признавалась самостоятельность предмета психологии, отличного от предмета физиологии, а также необходимость дополнить павловское учение новыми психологическими теориями [Психологическая наука, 1997].

В результате спада идеологического давления в психологии 1960-х — начала 1970-х развивается целый ряд направлений, представлявших разные, трудно сочетаемые между собой перспективы. Представители трех из этих направлений оказались объединены в Институте психологии — помимо упоминавшихся уже школ Ананьева и Рубинштейна в него пришли представители школы дифференциальной психологии Б. М. Теплова — В. Д. Небылицын, В. М. Русалов и др. Соответственно, наиболее крупной школой за пределами института оставалась психология деятельности, главным центром которой был Психологический факультет МГУ. Влияние сохраняла также и психофизиологическая школа, организационно представленная Институтом высшей нервной деятельности и нейрофизиологии АН СССР, который возглавлял ученик Павлова Э. А. Асратян.

В подобных условиях вопросы теории имели для директора нового института, в задачи которого входила координация всей советской психологии, предельно острое значение. Любое решение, наступающее на позиции школ, объединенных в институте, могло привести к внутреннему конфликту, а наступающее на позиции деятельности психологии или психофизиологии — к усилению давления извне. В то же время официально закрепленные за институтом задачи не давали возможности выступить за автономное развитие всех школ. Их необходимо было объединить в единых концептуальных рамках, но так, чтобы это не предполагало необходимости принципиального пересмотра их собственных теоретических основ. И оптимально подходящей для этой задачи был именно системный подход. Его важным преимуществом было то, что любой феномен можно было анализировать в качестве системы, обозначая другие связанные с ним феномены в качестве подсистем, которые в таком случае рассматривались исключительно с точки зрения статистически устойчивого влияния на данную систему без анализа их собственного устройства. Так, в одном случае можно было анализировать в качестве системы человеческую личность, а общество — в качестве одной из подсистем, влияющих на функционирование личности. А в другом — принимать в качестве системы общественное взаимодействие, в котором теперь уже личность с ее интересами выступает лишь как одна из подсистем. При этом в обоих случаях не было необходимости согласовывать между собой теории общества и теории личности, которые могли и дальше базироваться на различных принципах и оставаться, по терминологии Т. Куна, несоизмеримыми между собой [Кун, 2003]. Иначе говоря, системная теория позволяла сохранить автономии сильно различающихся между собой отраслевых психологий,

при этом формируя картину единой науки, способной объединить их результаты в рамках общей схемы.

Решению этой задачи — утвердить системную психологию в качестве общей психологической теории — посвящена серия статей Ломова, которые выходили в первые годы существования института в таких изданиях, как «Вопросы психологии», «Вопросы философии», «Вестник АН СССР» и «Коммунист». В статье 1971 г. в «Вопросах психологии» Ломов начинает с демонстрации способности психологической науки приносить практически полезные результаты, а затем переходит к использованию приведенного им обзора для обоснования необходимости разработать общую психологическую теорию: «В последние десятилетия особенно бурное развитие получили те отрасли и направления психологической науки, которые связаны с решением практических задач (социальная, педагогическая, медицинская, инженерная психология, психология труда и спорта и др.). Именно они, пожалуй, в первую очередь определяют процесс дифференциации психологии на современном этапе. Но вместе с тем, чем более дифференцируется психология, тем острее становится потребность в разработке ее общей теории» [Ломов, 1971, 26]. Невысказанная, но в то же время очевидная мысль этого абзаца: общей теории, способной охватить всю современную психологию, пока не существует, ее только предстоит создать.

Путь ее создания предложен Ломовым в статье 1975 г. «О системном подходе в психологии». Основу этого подхода составляет характеристика психического как одной из систем, определяющих функционирование человека: «...Человек как бы находится на пересечении многих разнопорядковых систем. В этом плане о его существовании можно говорить как о полисистемном процессе, принадлежность человека многим системам так или иначе проявляется в его психологических качествах» [Ломов, 1975, с. 38]. Помимо собственно психологической системы, Ломов выделяет человеческий организм, физическую среду и социальную среду. Можно отметить, что эта градация напрямую перекликается с одним из главных системных теоретиков в гуманитарных науках Толкоттом Парсонсом. В рамках его системы любое человеческое действие может быть охарактеризовано через четыре компонента: действующий организм, адаптирующийся к внешней среде; цель, на достижение которой направлено действие, — некоторое «предполагаемое будущее положение вещей»; ситуация, в которой происходит действие; и нормативная ориентация — усвоенные стандарты поведения [Парсонс, 1998]. Схожесть указаний на действующий в среде организм у Парсонса и на физическую среду или ситуацию у Ломова заметна даже при самом поверхностном рассмотрении. В свою очередь, с точки зрения Ломова, психологическая система играет интегративную функцию по отношению к другим функциям организма, направляя его деятельность как целого, а по мнению Парсонса, направленность на некоторое будущее состояние обеспечивается системой индивидуальной личности — таким образом получается, что, в общем, речь идет о рассмотрении с двух разных сторон одного и того же феномена цельной личности. Также можно увидеть схожесть в понимании социальной системы у Ломова и нормативной ориентации у Парсонса — и в том, и в другом случае указывается на влияние приобретенных извне стандартов поведения.

Схожесть с Парсонсом показательна в том смысле, что его концепция была одним из наиболее известных, в том числе и в СССР, учений, выражающих два устремления ученых, работавших в социальных науках и ассоциировавших будущее своих дисциплин с теорией систем. Это, во-первых, использование последней в ка-

честве базы для объединения социальных наук, а во-вторых, обоснование особой роли ученых-общественников в управлении обществом, фактически их превращение в особый технократический класс. И если вторая перспектива, особенно занимавшая социологов, в статьях Ломова упоминается вскользь, то первой он уделяет значительное внимание.

При этом перед директором Института психологии не стояла задача обосновывать научный статус психологии в принципе, что приходилось делать той же социологии, вынужденной защищаться от претензий официальных философов на ее поглощение как учения, совпадающего по задачам с историческим материализмом. Однако необходимо было показать, что в психологии преобладает естественно-научная, опытная методология и одновременно, что она сохраняет свой особенный предмет, отделяющий ее от физиологических исследований. Эта проблема также разрешается Ломовым через утверждение системного подхода к исследованию психологических явлений, что подразумевает их производный характер, зависимость от биологических и социальных процессов, но, несмотря на это, невозможность свести их ни к одной из этих групп. «Психическое в отношении к нейрофизиологическому рассматривается как *системное качество*. Психические явления сопоставляют не с отдельными нейрофизиологическими процессами, а с организованными совокупностями таких процессов. При этом (что важно подчеркнуть) способ организации трактуется как детерминируемый не внутримозговыми отношениями, а взаимодействием организма со средой, прежде всего — поведением» [Ломов, 1976, с. 89]. Более того, системный подход позволял объединить исследования с позиций и естественных, и общественных наук в рамках исследования психологических феноменов: «Понятия “развитие личности”, “развитие организма”, “развитие психики” — это лишь научные абстракции, охватывающие разные стороны *единого*, но вместе с тем многокачественного в своих проявлениях процесса. Взаимное опосредствование биологического и социального выступает в этом процессе, пожалуй, в наиболее развернутой и полной форме. И здесь опять-таки, как и в явлениях, рассмотренных выше, это взаимное опосредствование осуществляется через систему психологических свойств человека» [Там же, с. 91].

Параллельно с продвижением общей концептуальной схемы, которая могла бы работать на создание картины единой психологической науки, Ломов занимался укреплением ее общественного статуса как научной дисциплины, способной решать общественные проблемы и участвовать в решении экономических задач. И на этом, «внешнем» направлении он выступал сообща с Леонтьевым. В июне 1976 г. в главном идеологическом журнале «Коммунист» выходит статья «Актуальные задачи психологической науки», авторами которой выступили Леонтьев, Ломов, а также сотрудник отдела науки ЦК В. П. Кузьмин. Основной акцент в статье сделан на прикладном значении психологии, и главное внимание уделяется ключевому для Ломова направлению — инженерной психологии. Здесь дается характеристика условий для возникновения ее исследовательского поля: «человеческий фактор» становится «особым измерением всего процесса создания и эксплуатации техники», а «учет этого фактора в производстве — задачей большой государственной важности, настоящим требованием научно-технической революции» [Леонтьев и др., 1976, с. 74], — а также характеризуется миссия этого направления — изучение психических процессов и функций с целью решения инженерных задач. Это также единственная психологическая дисциплина, практические достижения которой

иллюстрируются в статье конкретными примерами — случаями, когда переоборудование производственных помещений или реорганизация производственных процессов позволили сэкономить средства или повысить производительность труда.

В том же, что касается теории, главенствующее место отводится приоритетам Леонтьева. В качестве «теоретико-методологических принципов и положений советской психологии» упоминаются «отражательная сущность психических явлений, их регулятивная функция в деятельности», «общественно-историческая природа сознания», «единство сознания и деятельности» [Леонтьев и др., 1976, с. 79] — по сути, все основные тезисы деятельностной психологии. Вслед за ними упоминается также и системный подход, однако он преподносится в контексте объединения усилий с философией, социологией и биологией и не рассматривается как собственно психологический. Основная же часть статьи, посвященная теории и методологии, рассказывает о перспективах развития экспериментального метода, что вновь подчеркивает статус психологии как последовательно научной дисциплины. В целом статья выглядит как компромисс между двумя главными персоналиями советской психологии 1970-х гг.: в ней можно увидеть взаимное признание заслуг, избегание противоречий и выдвигание на первый план общих для всего психологического сообщества вопросов. В качестве косвенного свидетельства в пользу того, что советская психология развивалась в направлении такого компромисса, можно упомянуть то, что в том же 1976 г. «общая психология» впервые была упомянута в названии одного из подразделений ИП — отдела общей, теоретической и экспериментальной психологии.

Из применения в психологии системного подхода вытекала необходимость утверждения предельно масштабной исследовательской программы. Как указывает Ломов в статье 1979 г., подготовленной по итогам XVI Всемирного философского конгресса, «исследование соотношений сознания, мозга и внешнего мира предполагает объединение усилий многих как естественных, так и общественных наук. Но такое объединение требует четкого понимания соотношения специальных и общих проблем, то есть представлений всей системы проблем и связей между ними, а также разработки концепций, которые позволили бы “охватить единым взглядом” огромные массивы конкретных данных, накапливаемых в различных науках» [Ломов, 1979а, 118].

Системная теория позволяла дать общую рамку чрезвычайно широкому кругу исследований, которые велись в Институте психологии. По характеристике Ломова, данной в статье «О состоянии и перспективах развития психологии в СССР» 1977 г., «этот институт уже развернул исследования в областях общей, социальной, инженерной, математической психологии, психофизики, общей и дифференциальной психофизиологии, нейропсихологии. В нем разрабатываются также и некоторые прикладные проблемы. Постепенно Институт психологии АН СССР начинает выполнять и координирующую функцию, направленную на укрепление совместной работы психологов СССР, он развернул также работы по дальнейшему развитию сотрудничества психологов социалистических стран» [Ломов, 1977, с. 21].

Охват широкого спектра предметных областей был, в принципе, нормальным для центрального академического института по определенной специальности, однако в данном случае речь шла об объединении чрезвычайно разных методологий. Справиться с этой проблемой позволяла теория систем. Заявляя, что «разработка системной теории психологии является основной теоретической задачей Института

психологии», Ломов пояснял: «Неверно представлять себе дело таким образом, что общая теория — это набор общих идей и принципов, расположенных в одной плоскости. Уровни теории в современной психологии различны. Одни из них относятся к самым общим законам и свойствам психического, другие — к специальным областям человеческой деятельности, третьи трактуют частные вопросы. Можно, по видимому, говорить о макро-, мезо- и микроуровнях анализа психических явлений и соответственно о разных уровнях теоретических обобщений» [Ломов, 1977, с. 19].

Закрепление за Институтом психологии полномочий по координации советской психологии сближало его с аппаратом политического управления, что предполагало его вовлечение в решение управленческих задач. Здесь Ломов выделял два направления — участие в «совершенствовании систем управления народным хозяйством» [Там же, с. 13] и осуществление «идеологической функции психологии» [Там же, с. 14]. Однако надо отметить, что в статьях Ломова они не используются в качестве путей, ведущих к расширению влияния психологической науки. Он не акцентирует на них внимание, не детализирует характер участия психологов в реализации этих функций. В качестве основной линии укрепления общественного положения психологии он, скорее, выбирает путь обоснования ее прикладного значения. В его статьях психология отстаивается прежде всего как наука, способная обеспечить рост производительности в различных отраслях экономики, а не нацеленная на совершенствование политического управления.

Не проявляя интереса к расширению влияния психологии в политико-идеологическом поле, Ломов в то же время постепенно формирует более наступательную позицию по отношению к другим общественным дисциплинам. В статье 1979 г. в Вестнике Академии наук он открыто высказывает недовольство существующим разделением предметных сфер: «К сожалению, до сего времени при разработке таких категорий как сознание, познание, личность, общение, общественные отношения и других исследователи нередко подменяют психологические аспекты исследования философскими, социологическими, этическими, педагогическими и иными аспектами. В связи с этим необходимо четко определить те аспекты категорий, которые могут и должны изучаться психологической и никакой другой наукой». Путь к укреплению позиций психологии в поле общественной науки лежит через переговоры: «Для этого, бесспорно, потребуются большая совместная творческая работа психологов с представителями других наук, прежде всего с философами» [Ломов, 1979б, с. 45]. Философы рассматриваются в качестве главных партнеров не только в этом пассаже. В самом начале статьи указывается, что «дальнейшее развитие философии (в особенности разработка таких проблем, как роль субъективного фактора в историческом процессе, в социальной организации и управлении обществом, познавательная деятельность человека, творческое мышление, роль интуиции в познании и др.) немислимо без серьезной опоры на результаты психологических исследований» [Там же, с. 35]. Отдельно упоминается и роль психологии в поиске решений одной из главных философских дилемм — психофизиологической проблемы. Путь к ее преодолению Ломов видит в том, чтобы рассматривать «психическое» как системное качество, производное от «нейрофизиологического». Таким образом Ломов заявляет о намерении психологии взять на себя разработку целого ряда вопросов, которые ранее относились к исключительному полю философии.

Главной же задачей внутри самой психологии Ломов видит расширение признания системной теории. В статье, подготовленной им совместно с А. А. Бодалевым

и В. В. Лучковым, излагался масштабный план развития психологической науки: «...Координация исследовательской и научно-прикладной деятельности как основных психологических центров страны..., так и психологических подразделений, имеющих в пединститутах и в ведении отдельных ведомств, должна быть поднята с уровня простой констатации того, что делается в каждом из этих центров, как это имеет место сейчас, на уровень работы всех их по единому плану. Очевидно, что в этом плане, который надо создавать уже сейчас, а вводить в действие в начале очередной пятилетки, необходимо, учитывая объективную и субъективную подготовленность каждого научного подразделения, определить задания каждого из них, наметить ориентировочные рубежи, на которые в результате выполнения этих заданий они должны выйти, договориться о формах фиксации получаемых результатов. Вместе с тем, коллективно создавая этот план, определяя его исполнителей и ставя перед ними конкретные задачи, необходимо будет добиваться в нем такого соотношения теоретических, экспериментальных и прикладных тем, которое было бы оптимальным для развития психологической науки в целом и одновременно позволяло каждому ее звену и подразделению успешно решать свои специфические задачи» [Бодалев и др., 1979, с. 18–19]. Необходимым условием для успеха такого сложного комплексного предприятия является системный подход: «Только системно организованная дисциплина способна обеспечить практическую проверку теоретической состоятельности поставляемого знания, а главное — его адекватность многомерной ситуации реального использования» [Там же, с. 20].

Если рассматривать проект системной психологии Ломова в качестве научно-исследовательской программы в понимании И. Лакатоса [Лакатос, 2003], то нужно отметить, что ее задачей было не столько продвижение нового эвристического потенциала, иначе говоря, не выведение новых закономерностей, ранее не известных психологической науке, а сохранение и возможность включения в общее поле эвристического потенциала других программ, в том числе наиболее близкой самому Ломову инженерной психологии. В этом смысле проект системной психологии выполнял, в первую очередь, социальную функцию — формирование такой картины психологической науки, которая бы соответствовала официальному мировоззрению, то есть вписывалась бы во взгляды, полагавшие научное развитие поступательным и взаимосвязанным процессом, которое поддается планированию. Создание такой картины позволяло включить психологию в новую складывающуюся в социогуманитарной науке ситуацию: ключевая роль в обосновании целесообразности поддержки той или иной дисциплины переходила от демонстрации соответствия действующей идеологии и способности распространять ее влияние к характеристике перспектив развития данной науки в качестве точной, математизированной дисциплины. Успешное продвижение отвечающей этим условиям системной психологии создавало возможность для утверждения ИП в качестве головного института, способного разрабатывать общую психологическую теорию, которая могла бы охватить все существующие направления, в то же время не занимаясь корректировкой специальных знаний внутри каждого из них. И надо сказать, что решение этой политической по своей сути задачи имело для советской психологии вполне серьезное значение, открыв возможности бесконфликтного развития целого ряда направлений.

Литература

- Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980.
- Бодалев А. А., Ломов Б. Ф., Лучков В. В. Психологическую науку на службу практике // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 17–22.
- Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Издательство политической литературы, 1991.
- Коннов В. И. Парадигмы научной политики: история и современность // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 5. С. 101–112.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Издательство АСТ Ермак, 2003.
- Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: Издательство АСТ, 2003.
- Леонтьев А. Н., Ломов Б. Ф., Кузьмин В. П. Актуальные задачи психологической науки // Коммунист. 1976. № 6. С. 73–82.
- Ломов Б. Ф. О роли практики в развитии теории общей психологии // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 26–35.
- Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.
- Ломов Б. Ф. О состоянии и перспективах развития психологии в СССР // Вопросы психологии. 1977. № 5. С. 9–24.
- Ломов Б. Ф. Психология в системе наук и в общественной практике // Вестник АН СССР. 1979. № 6. С. 35–45.
- Ломов Б. Ф. Сознание, мозг и внешний мир // Вопросы философии. 1979 а. № 3. С. 109–118.
- Ломов Б. Ф. Соотношение социального и биологического как методологическая проблема психологии // Вопросы философии. 1976. № 4. С. 83–95.
- Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л.: Издательство ЛГУ, 1960.
- Научный архив Института психологии РАН. Фонд 1. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/fund&id=17&guid=4BC61E5C-266C-4891-B74B-EFAC7FEE2892> (дата обращения 28.09.2016).
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997.
- Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
- Sirotkina I., Smith R. Russian Federation // Baker D. (ed.) The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives. New York: Oxford University Press, 2012. P. 412–441.

Forming theoretical and methodological framework of psychological research in the first years of the Institute of Psychology of the Soviet Academy of Sciences

VLADIMIR I. KONNOV

associate professor, Department of Philosophy, MGIMO University,
Moscow, Russia;
e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

The author examines a series of articles by B. F. Lomov, director of the Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the USSR, which appeared in scientific and political journals in the period following the establishment of the institute. Given that Lomov was simultaneously acting in several roles, as a representative of the psychological community, as director of the institute, and as a head of a scientific school, the author adopts a hypothesis that the articles must have reflected interests bounded

with each of these roles. To define those interests, the article describes the state of social sciences in the Soviet Union during the 1960s–70s. This situation predetermined sharp interest of social sciences to establish their scientific status and to achieve recognition of their research data as valid. In comparison with sociology, psychology possessed relatively higher degree of recognition both within scientific community and state bureaucracy.

Lomov's articles are examined by means of discourse analysis and rhetorical analysis, which show that the main goals of theoretical discourse are the following: promotion of a conceptual scheme for establishing unified psychological science, but with peculiarities of each psychological discipline; approval of psychology's scientific status by connecting it to the system theory; demonstration of practical value of psychological research. The key aim was to establish a framework theory, which would allow the Institute of Psychology to pursue the task prescribed by its founding documents of coordinating psychological research in the rest Soviet research organizations. Lomov put forward systems psychology as such theory, and its promotion was somewhat hindered by activity theory that could also be recognized as a framework for Soviet psychology. During the 1970s and till the 1980s, Lomov's theoretical discourse evolves towards compromise, which allowed activity theory to keep its main role in general psychology, while systems psychology could be developed as a tool for unification of knowledge both within psychology and all social.

Keywords: history of Soviet psychology, systems psychology, history of social sciences, Institute of psychology of the RAS, sociology of psychology.

References

- Anan'ev B. G. (1980) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. M.: Pedagogika. (in Russian).
- Bodalev A. A., Lomov B. F., Luchkov V. V. (1979) *Psikhologicheskuyu nauku na sluzhbu praktike* [Psychological science in the service of practice] // *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. № 4. S. 17–22. (in Russian).
- Grakham L. (1991) *Yestestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Science, philosophy and human behavior in Soviet Union]. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).
- Konnov V. I. (2010) *Paradigmy nauchnoy politiki: istoriya i sovremennost'* [Science policy paradigms: history and current state] // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. № 5. S. 101–112.
- Kun T. (2003) *Struktura nauchnykh revolyutciy* [Structure of scientific revolutions]. M.: Izdatel'stvo AST Ermak (in Russian).
- Lakatos I. (2003) *Metodologiya issledovatel'skikh programm* [Methodology of scientific research programs]. M.: Izdatel'stvo AST (in Russian).
- Leontev A. N., Lomov B. F., Kuzmin V. P. (1976) *Aktualnye zadachi psihologicheskoy nauki* [Current tasks of the psychological science] // *Kommunist* [Communist]. № 6. S. 73–82. (in Russian).
- Lomov B. F. (1971) *O roli praktiki v razvitii teorii obshchey psikhologii* [On the role of practice in the development of general psychology] // *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. № 1. S. 26–35. (in Russian).
- Lomov B. F. (1975) *O sistemnom podkhode v psikhologii* [On the systems approach in psychology] // *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. № 2. S. 31–45 (in Russian).
- Lomov B. F. (1977) *O sostoyanii i perspektivakh razvitiya psikhologii v SSSR* [On psychology's current state and prospects] // *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. № 5. S. 9–24 (in Russian).
- Lomov B. F. (1979) *Psikhologiya v sisteme nauk i v obshhestvennoy praktike* [Psychology in the system of sciences and social practice] // *Vestnik AN SSSR* [Herald of the Academy of Sciences of the USSR]. № 6. S. 35–45 (in Russian).

- Lomov B. F. (1979a) *Soznanie, mozg i vneshniy mir* [Conscience, brain and outer world] // *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. № 3. S. 109–118. (in Russian).
- Lomov B. F. (1976) *Sootnosheniye socialnogo i biologicheskogo kak metodologicheskaya problema psikhologii* [Intercorrelation of the social and biological as a methodological problem of psychology] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. № 4. S. 83–95 (in Russian).
- Myasishchev V. N. *Lichnost i nevrozny* [Personality and neuroses]. L.: Izdatel'stvo LGU, 1960.
- Nauchnyy arkhiv Instituta psikhologii RAN [Scientific archive of the Institute of Psychology of RAS]. Fond 1. URL: <http://isaran.ru/?q=ru/fund&ida=17&guid=4BC61E5C-266C-4891-B74B-EFAC7FEE2892> (date accessed 28.09.2016) (in Russian).
- Parsons T. (1998) *Sistema sovremennykh obshchestv* [System of modern societies]. M.: Aspekt Press. (in Russian).
- Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii* (1997) [Psychological science in Russia in the 20th century: problems of theory and history] / Pod red. A. V. Brushlinskogo. M.: Institut psikhologii RAN (in Russian).
- Rubinshteyn S. L. (1959) *Printsipy i puti razvitiya psikhologii* [Principles and paths of the development of psychology]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR (in Russian).
- Sirotkina I., Smith R. (2012) *Russian Federation* // Baker D. (ed.) *The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives*. New York: Oxford University Press. P. 412–441.